

ГЕРОИНИ ТУРГЕНЕВА

Труд - 1993 - 6 марта - С. 4

Речь пойдет не о реальных женщинах, хотя тут были личности удивительные: прекрасная пианистка О. А. Тургенева, на которой Иван Сергеевич едва не женился в 1854 году, сестра Льва Толстого Мария Николаевна, описанная в повести «Фауст», знаменитая Полина Виардо, — но речь, повторяю, не о реальных людях, а о женщинах, которые встают со страниц тургеневских книг. Их много, и они очень разные, однако — обратите внимание! — среди них нет персонажей, что называется, отрицательных.

Это — не просто галантность. (Хотя и галантность тоже, чего нам с вами ох как не хватает). Это — позиция. Сам душевный склад писателя исключал неприязненное либо насмешливое отношение к женщине. Вы не найдете у Тургенева ни хищниц, как у Толстого, ни «роковых» красавиц Достоевского, ни чеховских глупышек. Тургенев благоволяет перед дамой — качество, утраченное не только в литературе, но и в жизни. (Одно с другим, впрочем, связано неразрывно).

Я не о пресловутой эмансипации, не о равенстве, о котором мы так громко печемся на словах и с которым в реальности дела обстоят из рук вон плохо (это тема для отдельного разговора), — я именно о благоговении. О благоговении, которое поднимет женщину на недостижимую высоту и которое — что не менее важно! — облагораживает мужчину. Спасает, если хотите, от пошлости и варварства.

Конечно, одного благоговения мало. Вглядываясь в мир тургеневских героев, сознаешь: вот бы к их трепетному, чистому отношению к женщине да еще б мужества! Увы, его-то сплошь да рядом и не хватает.

Как раз об этом — повесть «Ася». Герой ее восхищается

подлюбившей его семнадцатилетней девушкой, существом грациозным и гордым, отважным, переменчивым, полным внутреннего огня, — восхищается да, но в то же время боится ее. Вернее, боится охватившего ее чувства. Силы и глубины этого чувства. «Признаюсь, она меня пугала», — говорит этот добрый, но вяловатый человек.

Иная ситуация в «Фаусте». Павлу Александровичу — так зовут героя — смелости не занимать, но ему недостает душевной тонкости. Результат печален: «вдребезги разбилось прекрасное создание, и с немым отчаянием гляжу я на дело рук своих».

Он рассудителен, Павел Александрович, он все понимает, но понимает умом, а ум, даже самый изощренный, постичь всего не в состоянии — нужна помощь сердца. Нужна подсказка сердца. Нужна работа сердца. И вот тут-то мужчина, надо признать, уступает женщине.

Тургенев понимал это лучше чем кто бы то ни было. «В делах сердца», — писал он Марии Николаевне Толстой, — женщины — непогрешительные судьи — и нашему брату следует их слушаться».

Золотое правило, но следовать ему не так-то легко — герои писателя, во всяком случае, оступаются довольно часто. Не оттого ли при всей выверенности их поступков, при всей разумности суждений они утрачивают мало-помалу собственно человеческие качества?

«Я бы очень спокойно убил», — признается в «Накануне» Инсаров Елене, и это — не пустые слова. Инсаров вообще слов на ветер не бросает. Он — человек дела и ради дела готов на все. Даже умирая (и понимая, что умирает), думает о деле и — хоть бы одно человеческое слово! Хотя бы капля сострадания к молодой женщине,

пожертвовавшей ради него всем! Толстой (в письме к А. Фету) называет Инсарова пошлым — мне кажется, Толстой прав. И если в сцене смерти пошлость его не так уж бросается в глаза, то в эпизоде первой близости с Еленой она прямо-таки вопиющая.

А вот у женщин — у тургеневских женщин — словно бы иммунитет против пошлости. Равно как и против эгоизма или самовлюбленности. Это существа редчайшей душевной красоты и душевной отваги. «Призыв и поиски идеальной женщины помогли ему создать тот Олимп, который он населил благороднейшими женскими существами, великими в своей простоте и своих стремлениях».

Так писал о Тургеневе его близкий друг, литературный критик П. В. Анненков, осуществивший, кстати сказать, первое научное издание Пушкина...

Имя Пушкина всплыло в нашем разговоре не случайно: Тургенев в своем отношении к женщине продолжает и развивает именно пушкинскую традицию.

Первым понял это и сказал Достоевский, который был, как известно, антагонистом Тургенева. Сказал во всеуслышанье, на торжествах по случаю открытия памятника Пушкину.

То был великий день русской культуры. Звучало много проникованных слов, но кульминацией праздника стала речь Достоевского. В ней, в числе прочего, было заявлено, что главный герой «Евгения Онегина» вовсе не Онегин, а Татьяна — ее-то именем, по мнению писателя, и следовало б называть роман; «такой красоты положительный тип русской женщины почти уже и не повторялся в нашей художественной литературе — кроме...»

Тут, по свидетельству очевидцев, Федор Михайлович сде-

лал маленькую паузу. И закончил: «... кроме разве образа Лизы в «Дворянском гнезде» Тургенева».

При имени Тургенева, вспоминает Н. Н. Страхов, «зала... загрохотала от рукоплесканий», но это были аплодисменты не только Тургеневу, не только Достоевскому, а еще и аплодисменты перемирию между двумя великими писателями, — перемирию, которое после таких слов не могло не наступить.

И оно наступило: литературные, идеологические противники, которые в течение многих лет смертельно враждовали, протянули друг другу руки. Вот как описывает этот эпизод одна из тогдашних газет: «Когда г-н Тургенев, на виду у публики, обнял г-на Достоевского, взрыв криков и аплодисментов еще усилился и дошел до какой-то бури».

Счастливая минута! Счастливы порывы! И произошло это перемирие — что весьма существенно для нашего разговора — не только под знаком Пушкина, но и под знаком женщины, Пушкиным (и Тургеневым) воспе-

той.

Под знаком женщины... Мне кажется, об этом особенно уместно вспомнить сейчас, когда все воюют со всеми.

Я убежден, что один из индикаторов стабильности общества — это его отношение к женщине. Здесь показательна степень ее влияния на все стороны жизни, в том числе, конечно, и на жизнь политическую, причем влияние прямое, а не через высокопоставленного, скажем, супруга.

Согласимся: у нас такое влияние ничтожно. Я провел маленький эксперимент: спрашивал у знакомых, могут ли они представить в качестве первого лица государства — любого государства на территории бывшего СССР — женщину, и видел в

ответ когда ироническую, когда печальную улыбку.

Вы понимаете, что факт этот говорит не о женщине. Не женщину характеризует — государство...

Есть у Тургенева небольшая и малоизвестная повесть «Переписка». Герой ее — некто Алексей Петрович, физически — да и морально тоже — обреченный человек. Но вот что пишет он, обращаясь к героине, — это самые искренние, самые выстраданные его слова: «...женщины лучше мужчин, и вы должны доказать это на деле. Пускай наш брат либо бросает свои убеждения, как износившуюся одежду, либо меняет их из-за куска хлеба, либо, наконец, дает им заснуть беспобудным сном... но вы, женщины, не изменяйте себе, не изменяйте своему идеалу».

Идеал, о котором толкует Алексей Петрович, — не что-то отвлеченное, не очередной лозунг и не очередная программа (у нас ныне прямо-таки эпидемия программ), не сухая мораль, а нечто живое и конкретное. Дети... Дом... Словом, простые человеческие радости, о которых мы в нашей бесконечной и с каждым днем ужесточающейся войне все больше и больше забываем.

У войны этой, как, впрочем, и у всех войн, исход в конце концов один: перемирие. Это, собственно, и есть победа, единственная подлинная победа: всякая иная, как доказывает история, таит в себе зародыш новых схваток и новых бед.

Но «победа зависит не от нас». Я беру эти слова в кавычки, ибо они принадлежат не мне — их устами героя «Переписки» произнес Тургенев.

Надо ли говорить, что герой имеет в виду женщин?

Руслан КИРЕЕВ.